

Ратников К. В.

ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ А. А. ПРОКОПОВИЧА-АНТОНСКОГО И Н. М. КАРАМЗИНА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/68.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 173-176. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

При прохождении темы преподаватель находит дополнительный материал или же совсем новый материал через Интернет, выписывает адреса, решает, на каком этапе работы можно провести занятие в Интернет-классе, объясняет им цели и задачи, раздаёт карточки с адресами. В течение занятия студенты соединяются с нужным сайтом, делают заметки, решают, стоит ли рекомендовать всей группе ознакомиться с данными страницами (работа не только для себя, но и для группы, - это дополнительный источник мотивации). Обобщение, обсуждение, рекомендации - тема следующего занятия уже в обычном классе.

Многие студенты не осознают практической потребности в английском языке как средстве общения. Такое универсальное средство связи как Интернет дает возможность для общения со своими сверстниками за рубежом. К тому же, интерес студентов к Интернет стремительно растёт. Мы можем использовать этот интерес во внеурочное время, чтобы повысить мотивацию студентов к изучению английского языка.

Возможны следующие виды самостоятельной работы студентов в компьютерном классе:

1. Студенты готовят доклад или сообщения по определенной теме, соединяются с сайтом, делают заметки, позднее представляют свое выступление. Электронные словари и справочники можно найти по следующим ссылкам: <http://home.earthlink.net/~ruthpett/safari/orient.htm>, <http://www.ourdictionary.com/>, <http://netlingo.com/>.

2. Студенты выполняют лабораторные работы, составленные преподавателем заранее.

3. Готовятся к защите проектной работы в конце семестра.

4. Студентам предлагается организовать переписку с их зарубежными сверстниками по электронной почте. Работать в сети они будут одну, две минуты, зато получают прекрасную возможность для личного общения и для совершенствования своих навыков профессиональной деятельности, уже не говоря о том, что они узнают о жизни таких же студентов из других стран. Переписка по электронной почте доставит студентам массу удовольствия, повысит их интерес к изучению английского языка и даст им почувствовать необходимость в языке как средстве международного общения.

5. Создание своего сайта в Интернет. Многие студенты сейчас увлекаются информатикой. Наверное, в каждой группе найдётся студент, занимающийся программированием и имеющий дома компьютер. Поручите ему оформить ваш сайт. Обсудите со студентами тематику вашего сайта, разработайте его макет и дайте задание студентам написать статьи по теме и подобрать интересные рисунки и фотографии. Вам останется лишь откорректировать их статьи и поместить готовую страничку в Интернет. Сделать это можно бесплатно, например, на сервере www.nicenet.org, www.blogger.com, www.livejournal.com. Содержание сайта можно периодически обновлять. Если у вас будет своя страничка в Интернет, доклады ваших студентов смогут прочитать все желающие.

Чтобы студенты воспринимали язык как средство межкультурного взаимодействия, необходимо не только знакомить их с тематикой профессионально-ориентированного языка, что, разумеется, важно для студентов 4-5 курсов, но, и искать способы включения их в активный диалог культур, чтобы они на практике могли познавать особенности функционирования языка в новой для них культуре.

Всё это расширяет кругозор студентов, активизирует их деятельность, творчество, способствует проведению исследовательской работы, улучшает знание иностранного языка.

Участие во всех проектах, связанных непосредственно с иностранным языком расширяет лингвистический и образовательный кругозор студентов неязыкового ВУЗа, формируют личность, способную свободно ориентироваться и активно существовать в мире информации.

Конечно, на занятиях профессионального иностранного языка нельзя использовать компьютер постоянно, так как есть множество других задач, решить которые можно лишь при непосредственном общении. Но и недооценивать его роль на занятиях по иностранному языку нельзя. Компьютерное обучение несёт в себе огромный мотивационный потенциал и соответствует принципам индивидуализации обучения.

В целом, использование Интернет и его ресурсов позволит сделать занятия более интересными, наполнит их новым, более современным и актуальным содержанием и, в конечном счете, повысит учебную и познавательную мотивацию студентов неязыкового ВУЗа.

ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

А. А. ПРОКОПОВИЧА-АНТОНСКОГО И Н. М. КАРАМЗИНА

Ратников К. В.

Челябинский государственный университет

Как известно, рубеж XVIII - XIX веков оказался временем осуществления второй, после ломоносовской теории трех «штилей», масштабной реформы всей системы отечественного литературного языка. Утверждение основополагающего принципа «пишем, как говорим, но и говорим, как пишем», справедливо связано с именем Н. М. Карамзина, однако при этом не следует забывать его идейных единомышленников и сторонников, также внесших свой существенный вклад в становление и развитие «нового слога». Одним из тех, кто явился не просто литературным сподвижником Карамзина, но и в некоторой степени его наставником и вдохновителем, был известный педагог и ученый-энциклопедист, профессор Московского университета А. А. Прокопович-Антонский (1763-1848), одно время редактировавший первый в России специализированный журнал «Детское чтение для сердца и разума», активное участие в котором принимал в 1787-1789 годах молодой Карамзин. Шесть десятилетий спустя, в некрологических воспоминаниях, посвященных памяти Про-

коповича, его ученик и воспитанник С. П. Шевырев отметил ту роль, которую довелось сыграть журналу в литературной судьбе будущего лидера русского сентиментализма: «“Детское чтение” было вместе и детскою школою самого Карамзина, где он выработал слог свой» [Шевырев 1848: 14-16]. Вместе с тем Шевырев постарался объяснить причины столь плодотворного влияния журнальной деятельности на укрепление авторского мастерства Карамзина. Главным фактором, определившим успешное взаимодействие начинающего литератора с коллективом журнала, стала, по мнению Шевырева, полная солидарность взглядов Прокоповича и Карамзина на пути обновления и совершенствования литературного языка их эпохи: «Надобно сказать, что Антонский был в числе старейших двигателей того же направления, какое окончательно дано было русскому языку и слогу гением Карамзина. В «Чтениях для сердца и разума», еще с 1785 года, след., за 7 лет до появления Карамзина на поприще литературы, мы замечаем то же стремление сблизить речь нашу литературную с разговорною, упростить язык, дать ему характер беседы общежития» [Шевырев 1848: 7-8]. Иными словами, редактором журнала были заранее подготовлены благоприятные условия, при которых смогли беспрепятственно развиваться стиливые новшества талантливого сотрудника.

Это единство подходов к проблеме реформирования языковой системы отчетливо прослеживается в программных работах Прокоповича и Карамзина, создававшихся синхронно, в одно и то же время, что позволяет предполагать возможность взаимного влияния или, во всяком случае, несомненных методологических перекличек и параллелей. Общим для них обоих было восприятие языка в качестве важнейшего средства распространения просвещения и культуры в обществе. О «российском языке, на котором основывается народная образованность» [Прокопович 1818: 6], горячо говорил Прокопович в речи 1798 года «О воспитании». Аналогичные мысли выразил Карамзин в предисловии к издававшемуся им альманаху «Аониды» в 1797 году, выдвигая в качестве одной из ведущих задач для объединившихся вокруг него литераторов «совершенство языка (неразрывно связанного с умственным и моральным совершенством каждого народа)» [Карамзин 1982: 57]. Пятью годами позднее, на страницах возглавлявшегося им литературно-политического журнала «Вестник Европы», Карамзин четко сформулировал взаимосвязь, существующую между расцветом изящной словесности и прогрессом общественного образования, афористично указав, что «искусство писать есть действие просвещения» [Карамзин 1982: 75]. В высшей степени показательно, что первый же номер карамзинского «Вестника» открывался его публицистической статьей, в которой прямо провозглашалась культурно-воспитательная и образовательная миссия художественной литературы, опирающейся на ресурсы обновленного и реформированного языка: «Сколь благородно, сколь утешительно помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, каков российский; развивать идеи, указывать новые красоты в жизни, питать душу моральными удовольствиями и сливать ее в сладких чувствах со благом других людей. Итак, я воображаю себе великий предмет для словесности, один достойный талантов» [Карамзин 1982: 76]. Программа Карамзина, основанная на органичном сочетании эстетики с просветительской направленностью словесного искусства, в полной мере соответствовала плану деятельности Прокоповича на посту председателя Общества любителей российской словесности, и совершенно закономерно, что в речи весной 1812 года при открытии литературных заседаний Прокопович высказался во многом созвучно карамзинским тезисам: «Намерение сего, высочайшим одобрением ознаменованного, Общества есть то, чтобы соединенными силами способствовать успехам отечественной словесности как главному средству к распространению просвещения. Предмет, достойный внимания любящих благо и славу своего Отечества!» [Прокопович 1812: 3].

Солидарность позиций Прокоповича и Карамзина не ограничивалась почти дословным повторением общих положений идейных программ друг друга. В понимании отдельных ключевых моментов концепций реформы языка они также выступали в качестве убежденных и принципиальных союзников, совместными усилиями стремящихся к общей цели. Для каждого из них приоритетную значимость имела углубленная разработка системы отечественного языка, представлявшегося высшей ценностью и надежным залогом дальнейшего развития и обогащения общенациональной культуры. В речи «О воспитании» Прокопович подробно обосновал мысль о первостепенной роли полноценного освоения языка в процессе духовного совершенствования человека: «Преимущественно должно заниматься *отечественным языком* и употреблять все старания и средства для достижения в нем правильного, твердого, основательного знания. Оставлять в небрежении такой язык, которым писаны все отечественные законы, все гражданские постановления, к общественному благосостоянию относящиеся, который должно употреблять при всех делах, при всех встречающихся нуждах, - оставлять в небрежении такой язык есть крайне грубое, непростительное заблуждение. Ошибаются также и те, кои думают, что изучение природного своего языка не великого труда стоит. Знать его основательно, знать со всеми тонкостями, чувствовать всю силу его, красоту, важность; уметь говорить и писать на нем красиво, сильно и выразительно по приличию материи, времени и места - всё это составляет труд, едва преодолимый. На приобретение такого знания должно употребить все силы, должно пожертвовать не малою частию жизни» [Прокопович 1818: 25-26]. Карамзин в журнальной статье «Отчего в России мало авторских талантов?» (1802) выдвинул сходную аргументацию: «Вольтер сказал справедливо, что в шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному» [Карамзин 1982: 101]. Подходя, как и Прокопович, к вопросам языка с государственных позиций, постулируя тезис о том, что «язык важен для патриота», Карамзин в статье с характерным заглавием «О любви к отечеству и народной гордости» (1802) особое внимание уделял художественным аспектам литературной речи: «Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой живописной поэзии, но и

для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности» [Карамзин 1982: 97]. Однако еще в предисловии к «Аонидам» (1797) Карамзин преимущественно акцентировал общую с Прокоповичем идею о государственной функции языка, решающего не только сугубо литературные задачи, но и служащего наиболее эффективным средством общественного просвещения: «Трудно, трудно быть совершенно хорошим писателем и в стихах и в прозе; зато много и чести победителю трудностей (ибо искусство писать есть, конечно, первое и славнейшее, требуя редкого совершенства в душевных способностях); зато нация гордится своими авторами; зато о превосходстве нации судят по успехам авторов ее» [Карамзин 1982: 57].

Принципиально важным положением языковых программ Прокоповича и Карамзина являлось провозглашение принципа приоритета отечественного языка над иностранными в деле развития национальной системы просвещения, которая должна основываться на самобытной культуре, а не ограничиваться подражанием чужим образцам. Об этом говорил Прокопович в речи «О воспитании»: «До сих пор у нас по большей части учатся на иностранных языках и от них заимствуют слова, порядок, течение и обороты речи. Удивительно ли, что слог наш отзывается иностранным? Пока не будем иметь на природном языке всех учебных книг, пока не будем иметь классиков-писателей, до тех пор будем чувствовать недостаток в просвещении, скудость в словах и несовершенство в слоге» [Прокопович 1818: 9]. Солидарные с ним мысли излагал Карамзин в программной статье «О любви к отечеству и народной гордости»: «Мы никогда не будем умны чужим умом и славны чужою славою: французские, английские авторы могут обойтись без нашей похвалы; но русским нужно по крайней мере внимание русских» [Карамзин 1982: 96]. Вместе с Прокоповичем Карамзин доказывал, что достижение подлинной самостоятельности отечественной культуры возможно только при условии сознательного и глубокого постижения собственного национального наследия, лучшие плоды которого запечатлены как раз в литературном языке своей страны и своего народа: «Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником!» [Карамзин 1982: 97]. Вот почему Карамзин подобно Прокоповичу отдавал решительное предпочтение отечественным «писателям, которые владеют духом языка, сами размышляют, сами чувствуют, а не попуаями других бывают» [Карамзин 1982: 55]. Эти же соображения побудили Карамзина вслед за Прокоповичем присоединиться к его «опровержению мнения тех людей, кои полезнейшим упражнением почитают изучение *многих* иностранных языков» [Прокопович 1818: 26]. Справедливо полагая, что «природный язык для нас важнее французского», Карамзин рассматривал степень владения человеком отечественным языком в качестве объективного критерия уровня его образованности и общей культуры и поэтому прямо заявлял, что «кто не знает своего природного языка, тот, конечно, дурно воспитан...» [Карамзин 2002: 237].

В то же время и Прокопович, и Карамзин отнюдь не призывали к какому-либо культурному или языковому изоляционизму, ясно понимая, что без усвоения лучших достижений зарубежных литератур, без конструктивного взаимодействия с иностранными представителями творческих сил невозможно полноценное развитие отечественной культуры и обретение ею настоящей зрелости. Прокопович в своей речи на открытии Общества любителей российской словесности горько сетовал на явственно сказывавшееся отставание отечественной литературы от передовых эстетических концепций за границей: «У нас нет философ-писателей, которые утвердили бы правильность и точность слова; нет Боало и Аддисонов, которые показали бы вместе правила и образцы изящного вкуса» [Прокопович 1818: 7]. Разделяя его озабоченность, Карамзин еще в 1795 году, в заметке «О богатстве языка» указывал на объективную потребность «в языке, обогащенном умными авторами, в языке выработанном...» [Карамзин 1982: 55], а в 1802 году, в статье «О любви к отечеству и народной гордости» вынужден был вновь вернуться к остававшейся по-прежнему актуальной проблеме недостаточной разработанности отечественного литературного языка: «Беда наша, что мы все хотим говорить по-французски и не думаем трудиться над обработыванием собственного языка...» [Карамзин 1982: 97]. Выход из создавшейся ситуации Карамзин, как и Прокопович, видел в организации полномасштабного, систематического и целостного процесса обучения и просвещения общества, по примеру зарубежных стран, добившихся на этом пути впечатляющих успехов в различных отраслях гуманитарных знаний: «Если бы наши молодые дворяне, *учась, могли доучиваться* и посвящать себя наукам, то мы имели бы уже своих Линнеев, Галлеров, Боннетов» [Карамзин 1982: 96].

Впрочем, несмотря на констатацию кризисных явлений в отечественной словесности, Карамзин имел основания для оптимистического в целом восприятия общей динамики осуществлявшегося при его самом активном участии реформирования языка национальной литературы и науки. В обзорной статье «О публичном преподавании наук в Московском университете», помещенной в «Вестнике Европы» в 1803 году, Карамзин с удовлетворением засвидетельствовал значительные достижения в расширении общественной сферы пространства «нового слога»: «Никогда науки не были столь общепользны, как в наше время. Язык их, прежде трудный и мистический, сделался легким и ясным» [Карамзин 2002: 248]. Таким образом, исходная установка Прокоповича и Карамзина на значительное содействие обновленного языка в деле развития отечественного просвещения в полной мере оправдала себя, и именно это стало решающим фактором, обеспечившим окончательный успех карамзинской языковой реформы и победу «нового слога» над «старым».

1. Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма / Н. М. Карамзин. - М.: Современник, 1982. - 351 с.
2. Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика / Н. М. Карамзин. - М.: Жизнь и мысль, 2002. - 480 с.
3. Прокопович-Антонский А. А. Речь при открытии Общества / А. А. Прокопович-Антонский // Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете. - М.: Изд-во Императорского московского университета, 1812. - Отдел «Прозаические сочинения». - Ч. I. - С. 3-16.
4. Прокопович-Антонский А. А. О воспитании / А. А. Прокопович-Антонский. - М.: Изд-во Императорского московского университета, 1818. - 74 с.
5. Шевырев С. П. Антон Антонович Прокопович-Антонский. Воспоминание, посвященное воспитанникам университетского Благородного пансиона / С. П. Шевырев. - М.: Москвитянин, 1848. - 32 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОПЕРАЦИЙ ПАМЯТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ребрина Л. Н.

Волгоградский государственный университет

Метафоричность - универсальное свойство человеческого мышления, которое помогает человеку понять реальность, ускользающую от его умственных усилий и даёт ей имя [Ортега-и-Гассет 1990: 156-157]. Метафора, обладая эвристическим потенциалом, замещает процедуры аналогии и сравнения, и является важным средством постижения действительности, выражая смысловые ожидания, вычлняя некоторые части нашего опыта, трактуя их как дискретные сущности.

Метафорический подход давно с успехом используется в лингвистике для описания лексических единиц, называющих чувства и эмоции [Успенский 1987; Lakoff, Johnson 1980]. Б. Л. Иомдин использует метафору для семантического и лексикографического описания глаголов иррационального понимания, хотя они входят в интеллектуальную, а не в эмоциональную сферу [Иомдин 1999]. Целесообразным и актуальным является данный подход и для описания лексических средств, принадлежащих к лексико-семантическому полю (ЛСП) памяти, в рамках которого может быть выделен ряд метафор, релевантных для носителей немецкого языка.

В качестве первой метафоры, определяющей пространство памяти, рассмотрим метафору света. В языковой картине многих культур присутствует оппозиция свет (хорошо) - тьма (плохо), а положительные эмоции, состояния интерпретируются как светлые, а отрицательные - как тёмные. Воспоминания также могут быть светлыми и тёмными, мрачными (*finstere, helle, dunkle, schwarze, trübe Erinnerungen/Erinnerungsbilder*). Например: *Ich habe aus der Zeit, in der Teufelei und Verrat gang und gäbe waren und aus der von den meisten nur die schwarze Erinnerung an das Niederträchtige und Gemeine behalten wurde, eine Weiße Liste bewahrt...* [Zuckmayer 1966: 83].

Помимо оценки (положительной или отрицательной) данная метафора может иллюстрировать игру света. Пространство памяти обширно, сложно структурировано и изменчиво. Человеку не всегда удаётся отыскать в нём нужную информацию. Свет может озарять тёмный и смутный мир отдельных, разрозненных, не связанных друг с другом воспоминаний, поднимать завесу над ними, связывать их в стройную систему. Воспоминания могут быть яркими, смутными, туманными, бледными, размытыми, терять цвет, выцветать, становиться бесцветными (*blasse, dämmernde Erinnerungen, Erinnerungen auslöschen, in Erinnerungen verblassen, die Erinnerungen bleiben vage, verblassen*). Например: *Obwohl ansonsten die Erinnerungen der drei Zeugen seltsam vage blieb, wusste der Wirt doch noch zu sagen, dass ihm an Haltung des Fremden etwas Linkisches aufgefallen sei* [Süskind 1994: 263].

Воспоминания подобно вспышке, лучу озаряют, освещают отдельные фрагменты прошлого опыта, делая его доступным для дальнейшей интерпретации. Этот «луч» воспоминаний выхватывает из кладовой памяти смутные, скрытые, забытые воспоминания. Т.о., свет связывается с ситуацией воспоминания, а тьма - с ситуацией забывания (*Erinnerungen erhellen, leuchten, unauslöschlich in Erinnerung bleiben*). Например: *Meine Seele geht auf Reisen, erinnert sich. Erinnerungen erhellen das Dunkel, die Haltungen vieler Deutscher in der faschistischen Diktatur* [Schmidt 2002: 122]. Картины прошлого могут вспыхнуть, сверкнуть подобно молнии (*blitzen, aufblitzen*): *Die Vorhänge bewegten sich leicht unter dem kalten Seewind und fließend tausende von Erinnerungen aufblitzen* [Zuckmayer 1966: 103]. Но подобно слишком яркому свету сильные, значимые, тяжёлые, болезненные или неожиданные воспоминания могут ослеплять, обжигать (*sich einbrennen, brennen, brennende Erinnerungen*): *Der Zug deportierter Juden in der Stadt Rowno brennt sich unauslöschlich in ihr Gedächtnis ein* [Schmidt 2002: 64].

С другой стороны, воспоминания могут быть хрупкими как лед: *Eisblumen der Erinnerung tauten in diesem Zimmer nicht auf, staatenlos, heimatlos...* [Böll 1989: 1111]. Неполные, нечёткие, неясные, непонятные, запутанные воспоминания затрудняют доступ к другим впечатлениям, эмоциям, событиям, скрывают сущность вещей, напускают туман, покрывают пеленой, маскируют (*verschleiern, vernebeln, sich verschleiern, Erinnerungsbilder verschwimmen, aufblenden, ausradieren*). Идея света лежит в основе описания такой характеристики человеческой психики как избирательность, селективность. Человек старается забыть о